

«Значимый другой»: слагаемые межличностной значимости

М. Ю. Кондратьев

**доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
декан факультета социальной психологии Московского городского
психолого-педагогического факультета**

В статье предпринята попытка, с одной стороны, проанализировать степень разработанности проблематики отношений межличностной значимости и «значимого другого», а с другой — рассмотреть интегральные основания межличностной значимости, опираясь на теорию деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах и «дочернюю» применительно к этой теории социально-психологическую трехфакторную модель «значимого другого».

Ключевые слова: «значимый другой», отношения межличностной значимости, аттракция, референтность, власть, трехфакторная модель «значимого другого».

В современной социальной психологии, особенно если речь идет о социальной психологии малых групп, достаточно сложно найти тематику, более активно разрабатываемую и столь плотно задействованную в реальной исследовательской практике, чем комплекс вопросов, касающихся в целом отношений межличностной значимости и проблем «значимого другого», в частности.

«Значимый другой» — личность, оказывающая влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [7, с. 133]. Сам термин «значимый другой» был предложен и введен Г. Салливаном еще в 30-х гг. XX в. На разных этапах исследования феномена межличностной значимости выдвигались различные основания подобных отношений. История разработки отношений межличностной значимости восходит, по сути дела, к работам самых первых классиков персонологии, социально-психологической и общепсихологической

науки. Так, например, одни из самых глубоких современных исследователей психологии отношений значимости и, в частности, феномена субъективной значимости одного человека для другого, авторы вполне завершённой по форме и крайне оригинальной по содержанию модели межличностной значимости А. А. Кроник и Е. А. Кроник [8] выстраивают развернутую во времени цепочку нарастания научной заинтересованности вопросами отношений значимости, первые звенья которой на десятилетия предварают 30-е гг., когда во многом усилиями американского ученого Г. Салливана в психологическом лексиконе прочно утвердилось понятие «значимый другой». С этой точки зрения, имена У. Джемса, Ч. Кули, Дж. Мида, Г. Салливана, Г. Хаймана и других как бы символизируют качественные точки в континууме, отражающем поступательное движение научной психологической мысли от момента зарождения проблематики отношений значимости до периода 30—40-х гг. XX в.,

когда она стала одной из ключевых в психологии и, прежде всего, в социальной психологии. Понятно, что условные промежутки между этими для всех известными ориентирами легко могут быть заполнены работами других, куда более многочисленных исследователей.

В отечественной психологии изучение отношений «значимых других» имеет не менее яркую и содержательную историю, чем разработка этого круга вопросов за рубежом. Б. Г. Ананьев, А. А. Бодалев, Л. И. Божович, А. Л. Журавлев, И. С. Кон, Р. Л. Кричевский, А. А. Кроник, Е. А. Кроник, А. Ф. Лазурский, М. И. Лисина, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, Н. Н. Обозов, А. В. Петровский, Б. Ф. Поршнев — вот, конечно же, далеко не полный список тех, кто внес и сейчас вносит самый существенный вклад в развитие отечественной традиции психологического исследования отношений межличностной значимости как в теоретическом, так и в конкретно-экспериментальном планах. По-видимому, наряду с вышеуказанными при необходимости могут быть отслежены и другие линии развития рассматриваемой проблематики, обнаружены и описаны относительно самостоятельные, а главное, самоценные ответвления от основного ствола научного поиска, выделены те или иные сферы анализа, может быть, и неправомерно оттесненные на периферию исследовательской практики.

В то же время нельзя не заметить, что, несмотря на длительный и достаточно пристальный интерес к проблематике отношений межличностной значимости в группе со стороны психологов, придерживающихся различных подходов к пониманию природы этого типа межличностных связей, механизмов их зарождения, становления, развития и разруше-

ния, целый ряд немаловажных вопросов остался еще на стадии дискуссионной проработки. Примером тому может служить реально просматривающийся в психологической литературе терминологический «разнобой» при определении такого ключевого для понимания содержательной сути отношений межличностной значимости понятия, каким является категория «значимый другой». В этом плане утверждение А. А. Кроника и Е. А. Кроник о том, что еще Г. Салливан «столь основательно описал влияние значимых других на процесс формирования личности, что после него словосочетание «значимые другие» приобрело терминологическую строгость» [8, с. 25], выглядит по меньшей мере излишне оптимистичным. Скорее следует согласиться с выводом И. Г. Дубова, что в существующей сегодня исследовательской практике авторы, как правило, «либо искусственно сужают сферу применения термина «значимый другой», либо относят его к нерасчлененной массе явлений, смешивая, а иногда и просто путая такие понятия, как «авторитетность», «референтность», «сила власти», «значение роли» и т. д.» [2, с. 8].

Справедливость этой оценки подтверждается даже самым беглым знакомством с теоретико-экспериментальными и собственно эмпирическими исследованиями отношений межличностной значимости. Но в то же время трудно безоговорочно разделить представление цитируемого автора по поводу того, что одной из решающих причин сложившейся ситуации является, как он считает, именно то обстоятельство, что «обыденное сознание смешивало в содержании используемого для описания этого явления (имеется в виду «субъективная

значимость». — М. К.) понятий (важный, нужный, значимый, приятный, интересный, значительный, полезный и т. д.) самые разнообразные виды субъективной значимости и не могло выделить по достаточно убедительным критериям различные типы «значимых других» [2, с. 6–7]. Сам факт подобной понятийной размытости категории «значимый другой», как и «отношения значимости», без сомнения имеет место и — более того, совершенно не удивителен, если принять во внимание свойственную обыденному сознанию терминологическую нечеткость и понятийную неопределенность. Но вряд ли это может служить не только оправдательной, но и объяснительной причиной экстраполяции картины категориальных пересечений, когда речь идет о понятийном аппарате научной дисциплины. Кроме того, можно привести в пример внушительное число случаев (в том числе и в рамках социальной психологии), когда не меньшая смысловая путаница на уровне обыденного сознания не помешала исследователям действительно добиться терминологической строгости применительно к тому или иному понятию (например, четкое разведение понятий «роль», «статус», «позиция», «положение» [1]).

По-видимому, все же решающим фактором, обуславливающим не только формальные, внешние фиксируемые на уровне «значимого другого» несовпадения в понимании этого термина, но и собственно содержательные противоречия видения различными авторами той психологической реальности, которая лежит за этой категорией, является не изначальная неструктурированность обыденного сознания и даже не какое-то качественное несходство теоретических

платформ, на которых стоят различные исследователи (в этой связи следует отметить, что в настоящее время говорить о каком-то принципиальном собственно парадигмальном противостоянии в вопросе изучения отношений значимости было бы явной натяжкой), а то, что словосочетание «значимый другой» заметно чаще, чем это может показаться на первый взгляд, используется как объяснительный термин и значительно реже выступает в качестве собственно предмета изучения. Многообразие как теоретических, так и особенно экспериментальных задач конкретных работ, несопоставимость методического инструментария, а потому и невозможность сравнения эмпирических данных, «разношерстность» контингента испытуемых и, главное, порой достаточно выраженное стремление отдельных авторов представить выявленные ими закономерности и зависимости как своего рода универсальные характеристики отношений значимости — все это в определяющей степени и привело к тому, что даже такой, далеко не самый сложный вопрос, как выявление количественных показателей значимого круга общения, или круга значимых лиц, до сих пор до конца не прояснен. Более того, вполне вероятно, что в ближайшее время в связи с возрастающим интересом проблематики отношений межличностной значимости имеющие место расхождения цифровых их показателей могут приобрести тенденцию к углублению, если установка на поиск универсального числа членов значимого круга общения не будет преодолена.

Не требует специальных доказательств тот факт, что попытка свести во едино изначально несравнимое, не просто мешает адекватно оценить действи-

тельную картину в связи с многократным «округлением» разноречивых данных, а качественно искажает реальность, выдавая за нее усредненную сумму «слагаемых разных наименований», как если бы вычислялась не просто «средняя температура по больнице», а определялось среднее арифметическое килограммов и километров.

Поясним это на примере. Сегодня практически в любой научной работе, в той или иной степени связанной с проблемой отношений межличностной значимости, а следовательно, и с определением круга «значимых других», принято приводить количественные данные, непосредственно на цифровом уровне очерчивающие границы этого круга, и ссылаться при этом на результаты, зафиксированные в работах предшественников. Насколько информативна на самом деле такая «универсальная» количественная характеристика отношений значимости, легко судить хотя бы по тому, что складывается она путем усреднения совершенно разнородных результатов, полученных в несопоставимых (в плане исследовательских задач и методического оснащения), с точки зрения контингента испытуемых, экспериментальных работ. Таких, например, как работы, выполненные Б. Шкопоровым [18], проводившим свое исследование в школе-интернате и рассматривавшим в качестве значимых практически весь спектр коммуникативных связей испытуемых, Е. А. Хорошиловой [17], изучавшей отношения значимости с родственниками, друзьями и коллегами взрослых людей в возрасте от 19 до 48 лет, В. Н. Князевым [4], включавшим в круг значимого общения людей по признаку «симпатия – антипатия», И. Г. Дубовым

[3], экспериментировавшим со старшеклассниками массовой общеобразовательной школы и определявшим значимого для них другого как яркую неповторимую личность, уникальную индивидуальность, А. А. Кроником и Е. А. Кроник [8], определявшими максимальное число жизненно значимых отношений. Понятно, что зафиксированные каждым из авторов закономерности интересны и информативны для понимания определенного вида отношений межличностной значимости и при этом как бы «в пределах» конкретного контингента. Попытка же вывести на основании всего этого обобщенного материала какой бы то ни было средний показатель ничего, кроме дополнительной смысловой путаницы, принести не может.

Именно с этой точки зрения, а следовательно, как стремление во что бы то ни стало упростить, схематизировать реальную содержательную суть и многообразие форм отношений межличностной значимости следует рассматривать по меньшей мере необдуманно жесткое введение цифрового предела числа «значимых других» — «существует универсальный предел (равный восемнадцати) числа значимых других, способных оказать определенное влияние на формирование личности любого конкретного человека на протяжении его жизненного пути» [9, с. 21–22]. По-видимому, столь категоричное заявление явилось результатом сопоставления экспериментальных данных А. А. Кроника и Е. А. Кроник и высказанной Т. Уайлдером в чисто художественной форме, по его собственным словам, «причудливой теории», согласно которой у человека в оптимуме на протяжении жизни должно быть восемнад-

цать особенно значимых людей («Созвездие друзей»). Заметим, однако, что и сам писатель, и экспериментаторы в один голос утверждают, что «теорию» эту «не стоит принимать слишком буквально» [8, с. 71; 16, с. 111].

Вопрос о неопределенности, размытости границ значимого круга общения напрямую связан с проблемой научного определения критериев значимости другого, т. е. оснований, позволяющих четко и обоснованно дифференцировать тех партнеров по взаимодействию и общению, которые и являются собственно значимыми для человека, и тех, кто не может претендовать на это звание. Поиск и исследование таких предполагаемых оснований личностной значимости имеют богатый опыт, а список этих факторов, если бы мы задались целью создать его, не мог бы не вызвать у нас естественной ассоциации с многочисленными перечнями качеств лидера, скомплектованными в рамках «теории черт» (Е. Богардус и др.). И все же, несмотря на несовпадения, а порой бросающуюся в глаза противоречивость ответов на вопрос: «Что же в личности другого, его поведении, его статусно-ролевой позиции в решающей степени определяет его значимость для партнера по взаимодействию и общению?» — можно выделить три направления такой значимости, направления, сложившиеся в исследовательской практике достаточно стихийно.

Первое — это широкий спектр конкретных в своем подавляющем большинстве экспериментальных исследований отношений межличностной значимости как межиндивидуальных связей, базирующихся на чувствах «симпатия — антипатия». По сути дела, речь в данном случае идет об одной из областей иссле-

дования аттракции, причем не столько в плане «формирования привлекательности какого-то человека для воспринимающего», сколько с точки зрения некоторого качества отношения одного человека к другому [1, с. 164]. Интенсивность разработки этого направления изучения отношений значимости была во многом предопределена развитием социометрического метода (Дж. Морено) и напрямую связана в России с именами Я. Л. Коломинского, И. П. Волкова и их последователей. В конечном счете в рассматриваемом случае в центре анализа оказываются взаимоотношения людей, значимость одного из которых для другого или их взаимная значимость могут быть охарактеризованы как непосредственные, напрямую не связанные с целями и задачами их взаимодействия.

Второе направление анализа отношений межличностной значимости в целом и определения круга значимых лиц, в частности, обусловлено представлением о наличии такого пласта межличностных отношений, характер которых непосредственно не зависит от привлекательности партнера или неприязни к нему. Эта страта интрагрупповой активности представляет собой межличностные отношения, которые в существенной мере опосредствованы содержанием, целями и задачами совместной деятельности. В контексте проблематики «значимого другого» в данном случае прежде всего привлекают внимание феномены личностной референтности и авторитетности. Развитие этого направления исследования отношений межличностной значимости было предопределено становлением теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах [14; 15], а затем и появлением

принципиально новых подходов к пониманию личности (концепция персонализации) и ее исследованию (метод отраженной субъектности) [12; 13].

Третье направление изучения межличностной значимости в реально функционирующем сообществе представлено работами, посвященными рассмотрению как социально-психологических, так и психолого-управленческих проблем руководства. Условно эти исследования можно обозначить как попытку анализа феномена «формальной власти». И здесь, в первую очередь, имеется в виду рассмотрение значимости другого как функции той институализированной роли, которая, в конечном счете, и является собственно значимой для подчиненного и при этом порой не только не обеспечивает действительно личностной значимости руководителя, но и мешает трансляции его личности, превращая нередко личностно богатый образ в лишенный своей индивидуальности, схематизированный «портрет исполнителя роли».

До недавнего времени в силу целого ряда обстоятельств и прежде всего в связи с различными исследовательскими задачами выделяемые три стихийно сложившихся основных направления изучения «значимого другого» практически не пересекались и существовали как бы независимо один от другого. В то же время появление и разработка концепции персонализации и метода отраженной субъектности позволили на современном этапе развития социально-психологической науки построить трехфакторную модель «значимого другого» [10; 11], т. е. рассмотреть все три указанные категории значимости, что называется, в «связке», как генерализованные и

в целом независимые основания возможной значимости одного человека для другого. В логике концепции персонализации речь идет «о трех формах метаиндивидуальной репрезентации личности значимого другого»; другими словами, в данном случае фиксируются не какие-то «узкоиндивидуальные характеристики этого значимого другого...», а его индивидуальная представленность в тех, с кем он имеет дело, его отраженная субъектность, ..., то есть собственно личностные проявления» [12, с. 12].

Рассмотрим несколько подробнее собственно социально-психологическое содержание каждого из трех факторов значимости, оценивая при этом и емкость того условного трехмерного пространства, которое складывается при построении заявленных координат.

Первый из рассматриваемых А. В. Петровским критериев значимости другого — его оценка по шкале «референтность» для партнера, т. е. степень его идеальной представленности в сознании последнего в качестве лица, чье мнение значимо для него либо как информация к размышлению, либо как существенный ориентир для принятия решения, либо как прямое руководство, безоговорочное указание к действию в жизненно важной ситуации. Напомним, что речь идет не об анализе на интраиндивидуальном уровне каких-то индивидуально-психологических характеристик, якобы обеспечивающих субъективную значимость одного человека для другого, а о метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого». Здесь следует напомнить, что именно в связи с этим была разработана модель отношений авторитетности, которые применительно к рассматриваемой трехфакторной модели «значимого

другого» являются высшей точкой позитивно направленного вектора референтности.

Понятно, что наличие наиболее выраженной яркой формы метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого» (его авторитетности), откладываемой на оси $P+P^-$, предполагает возможность, а следовательно, и необходимость нахождения на этом векторе и других узловых точек, отражающих качественные этапы процесса становления отношений авторитетности («источник информации», «референтное лицо», «антиреферентное лицо», «антиавторитетное лицо»).

Вторая форма метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого», которая рассматривается в рамках трехфакторной модели, — это аттракция, т. е., по сути дела, эмоциональный аспект «идеальной представленности» человека в сознании окружающих, его привлекательность или отчуждение, отторжение, а может быть, даже и неприязнь, враждебность, которые он вызывает у других. Попросту говоря, ось $A+A^-$ соответствует отношенческому континууму, полюсами которого являются «дружественность» и «враждебность».

Исследования этого параметра отношений значимости достаточно широко представлены в психологической литературе и рассматриваются в качестве более или менее самостоятельного направления не только теми, кто сам работает в этом русле. В исследовательской практике для анализа межличностных предпочтений и отвержений по типу «симпатия — антипатия» наиболее широко применяется, если дело касается реальных естественных малых групп, социометрическая процедура как в традиционной ее

форме, так и в различных модифицированных вариантах. Здесь следует отметить необходимость дополнения вектора $OA+$ вектором OA . Иногда, а в некоторых случаях (например, в асоциальных группах) достаточно часто именно эмоциональное неприятие и даже прямая враждебность характеризуют отношение одного человека к другому, причем волей определенных обстоятельств куда более значимого, чем те партнеры по взаимодействию и общению, к которым субъект испытывает откровенную симпатию или даже дружбу и любовь. Кроме того, на оси $A+A^-$ особого внимания заслуживает точка «0» и не только для понимания особенностей именно отношений значимости, но и в связи с тем, что ее нахождение на оси лишний раз напоминает об одной практически неизученной категории членов реальных естественных малых групп: в контексте социометрической процедуры — это неизбираемые члены группы, неизбираемые даже если количество выборов не ограничено экспериментатором (непараметрическая форма социометрического опроса) — «изолянты».

И, наконец, третья форма метаиндивидуальной репрезентации личности «значимого другого», тщательный учет которой предусмотрен анализом в рамках трехфакторной модели, — институализированная роль (ось $B+B^-$). В отличие от авторитета, отражающего, прежде всего, собственно личностное, как бы внерольное влияние «значимого другого» («власть авторитета»), в данном случае имеется в виду «авторитет власти», или авторитет роли, именно наличие которой и обуславливает значимость одного человека для другого [5; 6]. Подобная сторона межличностной значимости ни

в коей мере не предполагает как обязательное свое основание авторитет личности носителя роли или его эмоциональную привлекательность для окружающих, хотя в то же время, конечно, не предопределяет ни его низкий эмоциональный статус, ни отсутствие его личностной значимости. В этом плане нельзя не согласиться с А. В. Петровским, что «разрушение той или иной организации автоматически отключает механизм действия институализированных ролей, точно также выход носителя институализированной роли, к примеру, из служебной иерархии, лишает его статуса “значимого другого” для его сослуживцев. Это происходит..., если его служебный статус не сочетался с более глубинными личностными характеристиками — референтностью и аттракцией» [10, с. 8–9].

Казалось бы, в контексте ролевой принадлежности говорить о «значимом другом» имеет смысл лишь в том случае, когда исполняемая роль лежит где-то на векторе ОВ+ и воспринимается окружающими как таковая, так как, на первый взгляд, ролевой статус со знаком «-» безоговорочно исключает его обладателя из числа, если так можно выразиться, значимых для других ролевых исполнителей. Однако при ближайшем рассмотрении без особого труда можно привести достаточно большое число примеров, когда значимость другого определяется во многом именно «приниженностью» его роли и появляющейся в этой связи у вышестоящего возможности притеснять его и эксплуатировать, удовлетворяя тем самым свои потребности и решая посредством этого значимые, а порой и жизненно важные проблемы.

Еще на одном моменте в связи с этим фактором трехфакторной модели «значимого другого» необходимо заострить внимание. Дело в том, что настойчивое подчеркивание автором именно институализированного характера роли как бы жестко ограничивает эвристический потенциал данного теоретического построения рассмотрением отношений межличностной значимости лишь в формальных сообществах и при этом применительно только к взаимоотношениям в рамках официальной, а проще говоря, должностной структуры, где существующая «табель о рангах» позволяет безошибочно определить фиксированный ролевой статус каждого из партнеров по взаимодействию и общению. Таким образом, возникает иллюзия того, что трехфакторная модель «значимого другого» в качестве теоретического алгоритма не может быть использована для анализа неформальных отношений значимости в рамках официальных групп, ни тем более для определения характера межличностной значимости в группах неофициальных. В действительности дело обстоит иначе. Так, легко заметить, что возникающие в рамках официальных групп неформальные сообщества не являются полностью не зависимыми от официальной структуры: в одних случаях их неформальная структура вообще является «слепком» формальной, а в других — строится как бы «от противного». Но при любом варианте неформальный «расклад» испытывает на себе то или иное влияние официальной иерархии в группе, усиливающееся еще и тем, что каждый член неформального сообщества, возникающего в рамках неформальной группы, играя определенную роль в неформальной структуре, является од-

новременно и носителем институализированной роли. Что же касается неформальных объединений людей, возникающих стихийно вне официальных структур, и здесь возникает неоднозначная ситуация. Если речь идет о дружеской компании, например, подростков, то на неофициальную статусную позицию каждого из них существенное, а порой и решающее влияние оказывают характеристики его, если так можно выразиться, официального положения в обществе (род занятий, отношения с правоохранительными органами, наличие или отсутствие родителей, их статус и т. д.). Криминальные же активно функционирующие сообщества вообще могут быть отнесены к классу неформальных групп лишь условно. В данном случае мы сталкиваемся именно с организацией, характеризующейся своеобразной «служебной ие-

рархией» и отлаженными механизмами действия институализированных ролей. Понятно, что эти организации — институты, как принято говорить в пенитенциарных науках, «другой жизни», другого, преступного, но общества.

Оценивая трехфакторную модель «значимого другого» как наиболее «продвинутую» на сегодняшний день в отечественной социальной психологии концептуализированную схему отношений межличностной значимости, нельзя не упомянуть, что получение количественных показателей межличностной значимости в данном случае обеспечивается наличием многократно апробированных методических средств — социометрической и референтометрической процедур, а также методического приема определения интрагрупповой структуры неформальной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 2007.
2. Дубов И. Г. Проблема «значимого другого»: терминологический аспект // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. Даугавпилс, 1988.
3. Дубов И. Г. и др. Особенности восприятия значимых других старшеклассниками // Вопросы психологии. 1991. № 3.
4. Князев В. Н. Психологические особенности понимания личности значимого другого как субъекта общения: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1983.
5. Кондратьев М. Ю. Взаимосвязь авторитета личности и авторитета роли учителя // Вопросы психологии. 1987. № 2.
6. Кондратьев М. Ю. Слагаемые авторитета. М., 1988.
7. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М., 2007.
8. Кроник А. А., Кроник Е. А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М., 1989.
9. Леонтьев Д. А. Грани проблемы индивидуальности // Психологические проблемы индивидуальности. Вып. 3. Л.; М., 1985.
10. Петровский А. В. Авторитет, эмоциональный статус и роль в структуре личности «значимого другого» // Индивидуальность педагога и формирование личности школьников. Даугавпилс, 1988.
11. Петровский А. В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопросы психологии. 1991. № 1.
12. Петровский А. В., Петровский В. А. Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3.
13. Петровский В. А. Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. № 4.
14. Психологическая теория коллектива / Под ред. А. В. Петровского. М., 1979.
15. Психология развивающейся личности / Под ред. А. В. Петровского. М., 1987.
16. Уайлдер Т. Теофил Норд // Иностранная литература. 1986. № 8.
17. Хорошилова Е. А. Феномен субъективной значимости другого человека: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984.
18. Шкопоров Н. Б. Феноменология, динамика и психологические механизмы субъективной значимости другого человека для старших подростков в условиях школы-интерната: Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1980.

"Significant Other": Components of Interpersonal Significance

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, dean of the Social psychology faculty of the Moscow State University of Psychology and Education

The article attempts to analyze the level of development of interpersonal significance issues and the concept of "significant other". It discusses the integral groundings of interpersonal significance basing on the theory of activity mediation of interpersonal relationships in groups as well as its "filial" socio-psychological three-factor model of "significant other".

Keywords: *"significant other", relationships of interpersonal significance, attraction, reference, power, three-factor model of "significant other".*

REFERENCES

1. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya. M., 2007.
2. Dubov I. G. Problema «znachimogo drugogo»: terminologicheskii aspekt // Individual'nost' pedagoga i formirovanie lichnosti shkol'nikov. Daugavpils, 1988.
3. Dubov I. G. i dr. Osobnosti vospriyatiya znachimykh drugih starsheklassnikami // Voprosy psihologii. 1991. № 3.
4. Knyazev V. N. Psihologicheskie osobnosti ponimaniya lichnosti znachimogo drugogo kak sub'ekta obsheniya: Diss... kand. psihol. nauk. M., 1983.
5. Kondrat'ev M. Yu. Vzaimosvyaz' avtoriteta lichnosti i avtoriteta roli uchitelya // Voprosy psihologii. 1987. № 2.
6. Kondrat'ev M. Yu. Slagaemye avtoriteta. M., 1988.
7. Kondrat'ev M. Yu., Il'in V. A. Azbuka social'nogo psihologa-praktika. M., 2007.
8. Kronik A. A., Kronik E. A. V glavnykh rolyakh: Vy, My, On, Ty, Ya. Psihologiya znachimykh otnoshenii. M., 1989.
9. Leont'ev D. A. Grani problemy individual'nosti // Psihologicheskie problemy individual'nosti. Vyp. 3. L.;M., 1985.
10. Petrovskii A. V. Avtoritet, emocional'nyi status i rol' v strukture lichnosti «znachimogo drugogo» // Individual'nost' pedagoga i formirovanie lichnosti shkol'nikov. Daugavpils, 1988.
11. Petrovskii A. V. Trehfaktornaya model' znachimogo drugogo // Voprosy psihologii. 1991. № 1.
12. Petrovskii A. V., Petrovskii V. A. Individ i ego potrebnost' byt' lichnost'yu // Voprosy filosofii. 1982. № 3.
13. Petrovskii V. A. Princip otrazhennoi sub'ektnosti v psihologicheskom issledovanii lichnosti // Voprosy psihologii. 1985. № 4.

14. Psihologicheskaya teoriya kollektiva / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1979.
15. Psihologiya razvivayusheysya lichnosti / Pod red. A. V. Petrovskogo. M., 1987.
16. *Uilder T.* Teofil Nord // Inostrannaya literatura. 1986. № 8.
17. *Horoshilova E. A.* Fenomen sub'ektivnoi znachimosti drugogo cheloveka: Diss... kand. psihol. nauk. M., 1984.
18. *Shkoporov N. B.* Fenomenologiya, dinamika i psihologicheskie mehanizmy sub'ektivnoi znachimosti drugogo cheloveka dlya starshih podrostkov v usloviyah shkoly-inter-nata: Diss... kand. psihol. nauk. M., 1980.